

УДК 821.161.1.9

ПУШКАРЁВА Светлана Викторовна, аспирантка кафедры экономических, общегуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Международного гуманитарно-лингвистического института (Москва). Автор 9 научных публикаций

«ОГНЕННЫЙ СТОЛП» И «СТОЛП ПОЭЗИИ» КАК ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ ПОЭТИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА

В поэтическом сборнике Н.С. Гумилёва «Огненный столп» переплетаются образы и сюжеты из различных религиозно-философских традиций и мифологических систем с опорой на синкретизм, тенденцию к синтезу разнородных культурных начал, а также на теургическую эстетику Серебряного века. В статье исследуется религиозно-мифологический контекст символического образа «огненный столп». Этот контекст автор статьи связывает с образом-символом «столпа поэзии» в арабской и персидской литературе. В частности, арабское понятие «столпа поэзии» связано с духовной основой литературного творчества. В названии последнего прижизненного поэтического сборника Н.С. Гумилёва заложена идея вечно живого и динамичного огня. Этот вечно живой огонь является символом постоянно меняющегося космоса. Таким образом, можно сказать, что образ-символ огненного столпа восходит и к древнегреческой философии, в частности – к философии Гераклита. Кроме того, мы находим в этом образе библейские мотивы, в частности – ветхозаветные (Господь явился народу Израиля и пророку Моисею в столпе огненном). В поэтическом сборнике «Огненный столп» Н.С. Гумилёв синтезировал символику древней арабской и персидской поэзии, ветхозаветные и древнегреческие философские и религиозные образы. Особенно важны для этого поэтического сборника суфийские религиозные и философские мотивы, которые подробно исследуются в статье. Н.С. Гумилёв увлекался поэзией и философией персидских суфиев, однако суфийский контекст творчества поэта еще недостаточно изучен. В статье проанализировано влияние поэзии Гафиза, Омара Хайяма и Руми на последний прижизненный сборник Н.С. Гумилёва.

Ключевые слова: Николай Гумилёв, символический образ, образ огненного столпа, мотив духовного очищения, мотив мистической любви, мистическая поэзия, духовный путь.

Культурологические размышления Н. Гумилёва в «Огненном столпе» неразрывно связаны с новым пониманием личности. Мы наблюдаем яркое отражение этих процессов в символике и образной системе стихотворений последне-

го сборника поэта. Лирический герой поэзии Н. Гумилёва проходит некий духовный путь, связанный с концептуальными изменениями личности, своеобразной духовной инициацией, и, как следствие, обретает сакральные

ценности. Стихотворения сборника «Огненный столп» указывают на поворотные события в жизненном и творческом пути Н.С. Гумилёва. Для дешифровки ключевых символов и образов сборника необходимо осветить прежде всего семантику его названия. Среди образно-смысловых интенций «огненного столпа» нам представляется важным указать на понятие «столпа поэзии» в средневековой арабской эстетике и поэтике. Понятие «столп поэзии» – «амуд аш-ши» – имеет космогоническую природу, подобно Мировой Оси (амуд – «столб палатки, опора, оплот»; в русской крестьянской культуре с ним сравнимо понятие «матица», описанное С.А. Есениным в статье «Ключи Марии»). Истинные поэты следуют по пути древних, т. е. по духовной вертикали, подобной христианской Лестнице Иакова.

Суть понятия «столп поэзии», по описаниям выдающихся арабских поэтов и мыслителей, состоит в естественности, простоте и ясности, которые свойственны древней поэзии, и противостоит искусственности (вычурности, надуманности и сложности). Как замечал арабский филолог Ал-Марзуки, «разница между естественностью и искусственностью в том, что (в естественности), когда побуждающие мотивы возникают в душах и приводят в движение врожденные способности, то они заставляют работать сердца. А если же взволнуются умы сокрытым в их (сердцах) запасниках, то мани (поэтические мотивы) забьют ключом, самые разнообразные из них обильно потекут и ощутят затаенные мысли, потребность в явленных лафзах (словесном выражении)» [1, с. 133]. И далее: «Когда отвергается неестественность и деланность и устраняется естественность, то она (естественность) становится неудержимой, не зная ни противодействия, ни препятствия на пути к тому, что склоняет к ней (“минута, и стихи свободно потекут”»)» [1, с. 133]. Это приводит к изяществу «мани» и приятности «лафза», характеризующихся прозрачностью без мутности и обилием без усилия.

«Когда же повод выбора находится в руке деланности и неестественности, естественность переходит в услужение и распоряжение,

мысли начинают требовать от нее нести на себе их ношу, склоняют ее к принятию того, что ведет ее к ним, требуя от нее неумеренности в деланности и перевода привычного в необыкновенное, и тогда содержание ее и воздействие неестественности проявляются на ее поверхности. Так вот это и есть “искусственное”» [1, с. 133], – продолжал Ал-Марзуки. В данном контексте уместно вспомнить «ключи поэтической эстетики Серебряного века» – «Заветы символизма» Вячеслава Иванова, особенно его мысли о «поводе выбора» в душе художника и истинном символизме, подобном бурному потоку или звездному цветку, вырастающему из родимых корней [2].

В лирике Серебряного века роль поэтических лейтмотивов актуальна так же, как и идея соответствий. Как утверждает О. Щеголькова, в поздней лирике Гумилёва мотив выступает как структурообразующая категория в организации лирического сюжета поэтической книги («Костер», «Огненный столп») [3, с. 19]. Мы считаем, что лейтмотивом сборника «Огненный столп» стал мотив *духовного очищения*, который тесно связан с темой пути – странствия духа лирического героя. В «Огненном столпе» синтезированы историософские идеи позднего Гумилёва. Уже само название сборника соединяет в себе Запад и Восток, как справедливо указывает Л.Г. Кихней [4, с. 92].

Символика названия сборника восходит ко многим источникам: зороастризму, суфизму, Библии, православной святоотеческой традиции, индуизму, философии Гераклита, герметическим учениям, трудам русских религиозных философов. Гумилёв высоко ценил фундаментальный труд о. Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». Соответственно, образ огненного столпа следует рассматривать и в контексте отечественной духовной традиции с точки зрения образности и метафизики православия. Арабское понятие «столпа поэзии» также связано с духовной основой творчества, его космическим началом. Напомним, что быть настоящим поэтом в арабской философии и эстетике значило не отклоняться от столпа поэзии.

Герой Гумилёва «сгорает» в «огненном столпе», таким образом обращаясь к очистительной, божественной силе огня. Идея вечно живого и динамичного огня, символизирующего постоянно меняющийся Космос, восходит к философии Гераклита. Эта идея нашла выражение в лирике Вячеслава Иванова, для которого «космический огонь» Гераклита был символом мистического плана.

Исследователь творчества Н.С. Гумилёва Ю.В. Зобнин в статье «Странник духа» отмечает: «Гераклит выделял движение как особый всеобщий закон, Логос, связующий мироздание в единое целое. И Николай Гумилёв выделял движение как непрерывный атрибут любого из явлений материальной жизни и придавал ему мистическое значение, именно в силу его всеобщности. <...> Мир един в вечной подвижности своей, по крайней мере, наглядно един. И движение в качестве символа Абсолютного начала чрезвычайно удобно» [5, с. 54]. Очищающая сила вечного огня Гераклита в поэзии Н.С. Гумилёва связана со «странничеством духа» лирического героя, его стремлением к возрождению и перерождению. Для Гумилёва важнейшие духовные ориентиры человечества – это сакральные «Север» с Кельтикой, Ирландией и Гипербореей и «Юг» – «священная Индия Духа», «эзотерическое царство поэтов». Пространство России оказывается «золотым сердцем», центром духовной битвы, пламенем духа, той самой заветной дверью в царство Света, которую искал поэт на протяжении всей своей жизни.

С.К. Маковский связывал семантику названия сборника «Огненный столп» со строками из стихотворения Н.С. Гумилёва «Много есть людей, что полюбив»: «Если ты могла явиться мне / Молнией слепительной Господней / И отныне я горю в огне, / Вставшем до небес из преисподней» [6, с. 94].

Этот символический аспект названия требуется уточнить. По мысли Маковского, «Гумилёв всю жизнь ждал чуда – всеразрешающей женской любви» [5, с. 490]. Обратимся к мотиву

мистической любви, лежащему в основе суфийской поэзии. Гумилёв, как и многие поэты Серебряного века, был глубоко увлечен творчеством величайших персидских суфийских мистиков, в особенности Гафиза, Саади, Насири Хосрова, Омара Хайяма.

Тайна превращения земной любви в любовь Божественную – одна из ведущих тем суфийской поэзии. Только с учетом опыта подобной любви могут быть поняты некоторые удивительные произведения ранних персидских мистиков.

Любовь – всепожирающий огонь. Прежде всего, согласно суфийской мистике, она сжигает «стоянку терпения»: «Терпение мое умерло в ту ночь, когда родилась любовь» [7, с. 100]. А бедный влюбленный в руке любви – как «котенок в сумке: он то взлетает вверх, то падает вниз» [7, с. 100]. Охваченный этой любовью, которая манифестирует Божественную красоту, равно как и мощь Бога, ибо она восхитительна и ужасна, убийственна и живительна одновременно, мистик воспринимает любовь как «пламя, которое сжигает все, кроме Возлюбленной» [7, с. 100].

Перед нами суфийское определение любви, ведущей к истинному «таухид», божественному преобразению субъекта в чистую любовь. Определение любви, уничтожающей и поглощающей все, что не есть Бог, выражается поэтическим языком, который впоследствии переняли практически все мусульманские поэты, писавшие на персидском, турецком или урду. Так, символизм огня, широко представленный в произведениях Галиба, поэта XIX века, писавшего на урду, уходит корнями в суфийскую концепцию абсолютной любви.

Если обратиться к Священному Писанию, то в Библии «огненный столп» фигурирует в различных контекстах, формирующих его семантическое поле: «И двинулись сыны Израилевы из Сокхофа и расположились станом в Ефали. Господь же шел пред ними в столпе огненном, светящем, дабы идти им и днем и ночью. Не отлучался столп огненный и столп

облачный от лица народа»¹; «Видел я Ангела <...>, сходящего с неба <...>, и лицо его как солнце, и ноги как столпы огненные»².

Следует учесть также трактовку библейского символа огненного столпа в популярной в начале века работе Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра»: «Горе этому большому городу! Я хотел бы увидеть огненный столп, в котором он сгорает. Ибо эти огненные столпы должны предшествовать великому полудню. Но все это имеет время и свою собственную судьбу» [8, с. 248]. Философия Ницше очень важна для Николая Гумилёва. Можно предположить, что мотив *сгорания* лирического героя в «огненном столпе» восходит и к философским трудам Ф. Ницше.

М.А. Волошин писал об очищении человечества благодатным пламенем Святого Духа. Святой Дух в виде огненных языков сошел на апостолов – учеников Иисуса Христа. В православии горящая свеча символизирует божественный огненный столп как знак очищения человеческой жизни.

Суфийские поэты-мистики путь духовного восхождения к созерцанию Бога в красоте творения называют путем Любви. Поэты и мыслители Серебряного века отмечали родственность исламского и православного духовного мистицизма. Священный хадис суфиев гласит: «Мудрость Моего сотворения тебя заключается в том, чтобы узреть Мой образ в зеркале твоего духа и любовь ко Мне в твоем сердце» [7, с. 15].

Н.С. Гумилёв говорил о феномене мистической поэзии, которая «ныне переживает возрождение только в России, где она связана с великими религиозными идеями народа. В России по-прежнему велико ожидание Третьего Завета. Ветхий завет – Бога-Отца, Новый Завет – Бога-Сына, Третий Завет – Бога-Духа Святого, Утешителя. Этого действительно ждут в России,

и «мистическая поэзия», устремляясь к прозрению таинственного смысла бытия, «параллельно этому ожиданию» [5, с. 590]. В этом смысле последний сборник поэта «Огненный столп» явился самым ярким выражением мистической поэзии.

Н.А. Богомолов утверждал: «Название “Огненного столпа” представляет собой пример обращения Гумилёва к “семантической поэтике”, позволяющей “разворачивать широчайшую историческую перспективу”, самые разнообразные системы восприятия, опираясь на разные “коды”» [9, с. 65]. Мотивы *огненной смерти и возрождения* с помощью очистительной силы «живого, динамичного огня» восходят и к Гераклиту, и к первобытному обряду инициации. Господь, идущий в огненном столпе, утверждает божественную сущность стихии огня. В индийской мифологии существует следующее значение «огненного столпа»: в нем явился бог Шива Вишну и Бrame, подобно огню, вставшему до небес. До появления этого символа Шиву можно было постичь только через Шакти, его женскую половину, «супругу», «женское начало», с которым в Абсолюте Бог слит в нераздельном единстве. В честь этого мужского проявления Бога Шивы в Индии все шиваиты отличают праздник Шивалайя Деепам.

Таким образом, «огненный столп» являет собой знак Божественного присутствия. Но «огненный столп» – это еще и пламя страсти, в котором сгорает лирический герой. Но страсть лирического героя – это уже не страсть, а любовь как проявление высшей духовной сущности человека. Огонь любви – очищающий огонь, пламень страсти, которые в «Огненном столпе» Николая Гумилёва выступают символом духовных метаморфоз, знаком преобразования и перерождения.

¹ Исход 13:20–22.

² Откр. 10:1.

Список литературы

1. Куделин А.Б. Понятие «столп поэзии» в средневековой арабской критике. (Комментарий Ал-Марзуки к «Дивану доблести» Абу Таммама) // Памятники литературной мысли Востока. М., 2004.
2. Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994.
3. Щеголькова О.В. Структурообразующая роль мотива в книге стихов Н.С. Гумилёва «Костер»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003.
4. Кихней Л.Г. «Чужая старинная быль...» Мифопоэтическое преломление «национальной идеи» в лирике позднего Гумилёва // Гумилёвские чтения – 2006 год: материалы междунар. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 14–16 апреля 2006 года. СПб., 2006. С. 88–92.
5. Гумилёв Н.С. Pro et contra. СПб., 1995.
6. Гумилёв Н.С. Стихи, поэмы. Тбилиси, 1989.
7. Шimmel А. Мир исламского мистицизма. М., 1999.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Собр. соч.: в 2 т. М., 1990.
9. Богомолов Н.А. Читатель книг // Литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999.

References

1. Kudelin A.B. Ponyatie “stolp poezii” v srednevekovoy arabskoy kritike. (Kommentariy Al-Marzuki k “Divanu doblesti” Abu Tammama) [The Concept of the “Pillar of Poetry” in Medieval Arabic Critique (the Commentary of al-Marzuqi on Abu Tammam’s *Hamasa*)]. *Pamyatniki literaturnoy mysli Vostoka* [Monuments of Eastern Literary Thought]. Moscow, 2004.
2. Ivanov V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [The Native and the Universal]. Moscow, 1994.
3. Shchegol’kova O.V. *Strukturoobrazuyushchaya rol’ motiva v knige stikhov N.S. Gumileva “Koster”*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Structural Role of the Motif in N.S. Gumilev’s Collection of Poems “Bonfire”: Cand. Philol. Sci. Diss. Abs.]. Samara, 2003.
4. Kikhney L.G. “Chuzhaya starinnuyu byl’...” Mifopoeticheskoe prelomlenie “natsional’noy idei” v lirike pozdnego Gumileva [“He Senses an Old Story, a True Story...” The Myth-Poetic Interpretation of the “National Idea” in the Late Poetry by Gumilev]. *Gumilevskie chteniya – 2006 god: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Gumilev Readings – 2006: Proc. Int. Conf.]. St. Petersburg, 14–16 April 2006. St. Petersburg, 2006, pp. 88–92.
5. Gumilev N.S. *Pro et contra*. St. Petersburg, 1995 (in Russian).
6. Gumilev N.S. *Stikhi, poemy* [Poems]. Tbilisi, 1989.
7. Schimmel A. *Mystical Dimensions of Islam*. The University of North Carolina Press. 1975 (Russ. ed.: Shimmel’ A. *Mir islamskogo mistitsizma*. Moscow, 1999).
8. Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra]. *Sobr. soch.: v 2 t.* [Collected Works: In 2 Vols.]. Moscow, 1990.
9. Bogomolov N.A. Chitatel’ knig [The Reader of Books]. *Literatura pervoy trety XX veka: Portrety. Problemy. Razyskaniya* [Literature of the First Third of the 20th Century: Portraits. Issues. Studies]. Tomsk, 1999.

Pushkareva Svetlana Viktorovna

Postgraduate Student, International Institute for Humanities and Linguistics (Moscow, Russia)

THE “PILLAR OF FIRE” AND “PILLAR OF POETRY” AS SYMBOLIC IMAGES OF THE POETIC UNIVERSE

N. Gumilev’s poetic collection “The Pillar of Fire” interweaves the images and plots from various religious and philosophical traditions and mythological systems based on syncretism, tendency to synthesize different principles of culture and on theurgical aesthetics of the Silver Age. This paper studied the religious and mythological context of the symbolic image of the “pillar of fire”. The author

establishes linkage between this context and the image of the “pillar of poetry” in Arabic and Persian literature. In particular, the Arabic concept of the “pillar of poetry” is connected with the spiritual basis of literary creativity. The name of Gumilev’s last poetic collection embodies the idea of eternal dynamic fire. This eternal fire is a symbol of the constantly changing cosmos. Thus, one can say that the symbolic image of a pillar of fire goes back to ancient Greek philosophy, in particular to Heraclitus. Moreover, we find biblical motifs in this image, specifically those from the Old Testament (God went before Moses and the people of Israel in a pillar of fire). Thus, in his collection “The Pillar of Fire”, Gumilev synthesized the symbols of ancient Arabic and Persian poetry, Old Testament and ancient Greek philosophical and religious images. The paper studied in detail the Sufi religious and philosophical motifs which were of particular importance for this poetic collection. In spite of the fact that Gumilev was keen on the poetry and philosophy of Persian Sufis, this context of his works has not been studied adequately. In addition, this article analyzed the influence of such authors as Hāfez, Omar Khayyám and Rumi on the last poetic collection by Gumilev published during his lifetime.

Keywords: *Gumilev, symbolic image, pillar of fire, catharsis, mystical love, mystical poetry, spiritual path.*

Контактная информация:

адрес: 109316, Москва, просп. Волгоградский, д. 32, корп. 11;

e-mail: eur1359@mail.ru

Рецензент – *Фесенко Э.Я.*, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, заместитель директора по научной работе гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске